

Адриенна Бассо

Как соблазнить грешника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7160492
Как соблазнить грешника: роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080663-8

Аннотация

Благородная дама в средневековой Англии не может рассчитывать ни на кого, кроме себя и близких. И леди Фиона, молодая вдова северного барона Арундела, предательски убитого ставленниками короля Эдуарда, молит о помощи и мести бесстрашного шотландского рыцаря Гэвина Маклендона.

Но шотландская корона тоже имеет в Приграничье свои интересы: король Роберт настаивает на венчании Гэвина и Фионы, с тем чтобы муж получил священное право присоединить к своим землям владения жены...

Так начинается эта завораживающая история придворных интриг, приграничных войн, смертельно опасных приключений – и великой, страстной любви, любви священной и чистой, земной и чувственной...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Адриенна Бассо

Как соблазнить грешника

Роман

Глава 1

Северная Англия, июнь 1306 г.

– Боюсь, ночью будет дождь, – с серьезным видом заметил лорд Генри Либур, граф Арундел, придерживая своего коня и направляя его поближе к лошади, на которой ехала его жена, чтобы стук копыт не заглушал его слов. – Опять в замке посреди двора разольется огромная лужа грязи, зато это очень хорошо для будущего урожая.

– Дождь? С чего это вы взяли, милорд? – Леди Фиона умерила ход своей лошади, подстраиваясь под шаг жеребца мужа, и взглянула ему в лицо с насмешливым недоумением. – На небе ни облачка, которое могло бы испортить такую прекрасную погоду.

– Дождь обязательно пойдет, миледи, – уверенно подтвердил Генри. – У меня ноют кости, а это безошибочный признак.

В виде подтверждения он похлопал рукой по бедру и поморщился. Фиона недоверчиво посмотрела на чистое, безоблачное небо и покачала головой. В такие минуты, как никогда, остро ощущалась разница в возрасте между ними – двадцать пять лет. Только старик мог говорить о боли и ломоте в костях накануне дождя или снегопада.

Как только эта не слишком приятная мысль пришла ей в голову, Фиона погрузилась в раздумье. Генри во всех отношениях был замечательным мужем. В замок Фиона попала совсем девочкой. Ее взяли в услужение к покойной жене лорда, и тогда-то она и научилась манерам настоящей леди. Через пять лет его жена умерла от родильной горячки, тогда Генри и удивил Фиону, попросив ее стать его женой и приемной матерью для его маленького сына.

Родившись в простой бедной семье, Фиона вздохнула с облегчением, когда отец дал свое согласие на столь неравный брак. Она была счастлива. Брак позволял ей не только остаться в замке, который она уже считала своим родным домом, но и стать в нем хозяйкой.

Многие недоумевали, ради чего было выходить замуж за человека со скромными средствами и намного старше ее, но положение графини Арундел придавало вес в обществе, чувство уверенности и самоуважения. Хотя Фиона почитала своего мужа, но в глубине души не могла не признавать, что вышла замуж не по любви. Тем не менее со временем она действительно полюбила мужа, причем не из-за чувства долга.

Как бы там ни было, но такая жизнь ей нравилась.

Взгляд Фионы скользнул по верхушкам деревьев, сквозь кроны которых пробивался солнечный свет, и остановился на окружавших ее деревьях. Было уже по-летнему тепло. Деревья и кусты усыпала сочная зелень молодых листьев, тогда как на земле лежал ковер прошлогодней пожухшей листвы.

– Посмотрите, Генри, какие чудесные цветы девичьей ромашки, ее еще называют маточной травой! – воскликнула Фиона. – Пожалуйста, давайте остановимся, я их соберу. Два работника с кухни заболели, у них жар и сыпь. Я пробовала лечить их обычными средствами, но все бесполезно. Добавлю ее в мазь, она должна помочь.

Взволновавшись, Фиона так резко натянула поводья, что лошадь встала на дыбы.

– Эй, осторожней, а то еще упадете с лошади, – предостерег ее Генри, вовремя поддерживая ее в седле сильной рукой.

Благодарно улыбнувшись и поосновательнее усевшись в седле, Фиона выпрямилась. Она была достаточно умелой наездницей. К счастью, рядом с ней находился Генри, готовый поддержать ее в нужную минуту.

Как только лошадь успокоилась, граф взглянул в ту сторону, куда указывала Фиона, – на небольшое белое облачко распустившихся цветов.

– Разве это девичья ромашка? На мой взгляд, это самые обыкновенные маргаритки.

Фиона улыбнулась. Генри много знал и многое повидал в жизни, но в лечебных травах и цветах совсем не разбирался.

– Желтая середина и белый венчик. Да, очень похожи, но можете поверить мне, сэр, это не маргаритки.

– Конечно, я верю вам, Фиона. Просто наша прогулка и так затянулась. Меня ждут дома дела. А не могли бы вы приехать сюда завтра, я послал бы вместе с вами слуг.

– Но, Генри, это ведь не столько цветы, сколько лекарство. Кроме того, слуги очень больны, боюсь, как бы завтра не было уже поздно. Чем раньше они получают лекарство, тем больше у них шансов выздороветь.

Генри покорно вздохнул.

– Бог знает, Фиона, вы единственная женщина во всей Англии, которая стала бы так переживать из-за слуг.

Улыбнувшись от приятного сознания своей победы, Фиона ответила:

– Но, сэр, разве не вы сами учили меня быть как можно более внимательной к слугам. Сейчас я их соберу и положу в свой седельный мешок, а что не поместится – в ваш.

Граф молча спрыгнул с коня и, ловко подхватив жену за талию, когда она начала спускаться вниз, опустил ее на землю. На краткий миг их взгляды встретились, и Фиона, повинаясь внезапному порыву, нежно поцеловала его в кончик носа.

– Нахалка, – шутливо воскликнул Генри.

Из груди Фионы вырвался смешок, а потом она звонко рассмеялась. Смех гулким эхом полетел между стволами деревьев, вспугнув стаю птиц.

– Подожди меня здесь, – строго велел Генри, передавая ей поводья обеих лошадей.

Фиона согласно закивала головой. Они находились на своей земле, но в их беспокойные времена не стоило забывать о разумной осторожности.

Граф медленно шел к тем деревьям, под которыми росла маточная трава, внимательно оглядываясь по сторонам. Устав стоять на месте, лошади замотали головами и, сделав несколько шагов к образовавшейся на опушке леса луже, начали из нее пить. Подождав, когда они напьются, Фиона привязала их поводья к ближайшему дереву. Обернувшись к Генри, она нетерпеливо ждала от него знака.

Как только он призывно махнул рукой, Фиона сразу бросилась к нему. Земля в лесу была сырой и мягкой, ноги местами утопали в ней по щиколотку.

– Не хочу быть занудой, но все-таки прошу поторопиться, – пробормотал Генри пробегавшей мимо него Фионе.

– Постараюсь собрать как можно быстрее, – ответила она. – Но все равно это займет порядочно времени.

Генри скривился от недовольства, и вместе с тем в глазах блеснул огонек радости за жену. Фиона никогда не боялась работы, какой бы грязной та ни была, и всегда приходила на помощь любому человеку в замке, будь то рыцарь, крестьянин или слуга. Не было ничего удивительного в том, что ее все любили в замке.

Не теряя ни минуты, она опустилась на колени перед распустившимися цветками. Однако Фиона рвала не все подряд, а оставляла отдельные цветки, чтобы из их семян могло вырасти потомство.

Взяв на себя обязанность заботиться о здоровье населения замка – солдат, слуг и гостей, – Фиона следила за тем, чтобы кладовая, где хранились лекарственные средства, никогда не пустовала.

Передвигаясь на корточках все дальше и дальше, Фиона постепенно уходила за ствол дерева. Странное предчувствие опасности на миг овладело ею. Оторвавшись от цветов, она подняла голову. Все вокруг было тихо и спокойно. Генри стоял в нескольких метрах позади нее.

Опустив меч, уже без прежней настороженности он поглядывал по сторонам. Обозвав себя в душе трусихой, Фиона подвинулась за дерево, срывая растущие там цветы, как вдруг чья-то мужская рука сильно и больно схватила ее за кисть.

Крик замер в гортани Фионы, она застыла на месте, потрясенная, испуганная. Рука сдавила ее запястье еще сильнее, но от страха Фиона не чувствовала боли. Подняв голову, она увидела перед собой холодные глаза державшего ее человека. Судя по одежде, это был воин, рыцарь, а не какой-нибудь грабитель с большой дороги.

Широкоплечий, с глубоко посаженными синими глазами, он стоял, сильно согнувшись, но, несмотря на это, было заметно, что он высок и мускулист. Тонкий нос с горбинкой нес на себе отпечаток мужественности, а рот, как это ни удивительно, чувственности. Густые волнистые темные волосы спускались до плеч. На левом виске возле самого глаза виднелся шрам. Вне всякого сомнения, память о давней битве.

Заросший густой щетиной, тяжелый подбородок лишь усиливал впечатление угрозы. Впрочем, весь облик незнакомца нес на себе отпечаток силы и властности. Но странное дело, если бы их встреча произошла не при столь зловещих обстоятельствах, она сочла бы его даже красивым.

Но кто он? И почему прячется в лесу? Впрочем, сейчас было не совсем удобное время для того, чтобы задавать подобные вопросы. Прежде всего надо вырваться из его рук. Немедленно! Стоя на коленях, Фиона попыталась отпрянуть в сторону и освободиться, но не тут-то было. Незнакомец не уступал ей в быстроте и в то же время был намного сильнее. Дернув за руку, он поставил ее на ноги, словно куклу, продолжая прятаться вместе с ней за толстым стволом. Слезы навернулись на глаза Фионы: никто раньше не обращался с ней так грубо и сурово. Еле слышный шепот заставил кровь отхлынуть от ее лица, настолько он был страшен.

– Не шуми, иначе мы вытряхнем душу вместе с кишками из твоего спутника.

Стальной блеск в его глазах был красноречивее любых угроз. От них так и веяло холодом, отчужденностью и враждебностью. Липкий страх сковал сердце Фионы, без всяких слов было ясно – в случае необходимости он не колеблясь убьет ее.

Впереди тихо треснула ветка под чьими-то ногами. Фиона вся задрожала от страха, когда увидела за могучими дубами чуть поодаль еще пятерых человек. Боже, что же делать!

Она еще раз попыталась вырваться, но он опередил ее, крепко прижав к себе. Фиона едва не задохнулась в его стальных объятиях. Молниеносным движением он обнял ее рукой за талию, прижав ее руки к ее же телу так, что она не могла ими пошевелить. Еще миг, и другой рукой он закрыл ей рот.

– Фиона? – раздался голос Генри. – Где вы?

Страх с новой силой охватил ее, сердце гулко и тревожно забилося, словно собираясь выпрыгнуть из груди. Фиона слышала приближающиеся шаги мужа. Господи, помоги, не дай им убить его! Надо все-таки его предупредить! Отчаяние придало ей силы и смелости. Фиона начала вырваться, брыкаться, мотать головой из стороны в сторону. Все без толку. Незнакомец стоял, словно каменное изваяние, он даже не пошевелился. Все ее попытки освободиться походили на бессильные трепыхания мухи, пойманной в кулак.

Не желая сдаваться, Фиона продолжала вырываться. Дергая головой то вверх, то вниз, она сумела захватить зубами край его руки. От волнения сердце застучало быстро-быстро; собрав все свое мужество, она изо всех сил укусила его. Раз, другой, третий.

Она ощутила языком вкус кожаной перчатки, мокрой и грязной. Брезгливо поморщившись, она продолжила свои попытки укусить его за руку. Она кусала и грызла кожу, пока не услышала его приглушенное ворчание: кажется, она достигла своей цели. Несмотря на причиняемую боль, возможно, даже рану, он не ослабил своей хватки, более того, еще сильнее сжал ей рот.

Бессильная и беспомощная, Фиона смотрела, как ее муж добровольно лезет в приготовленную для него ловушку. Сдавленный крик ужаса и боли вырвался из ее груди, когда один из разбойников выскочил из-за дерева и нанес удар мечом, целясь в голову Генри. Но тот был начеку. Очертив резкий полукруг мечом, он ловко отразил смертельный удар. Заняв оборонительную позицию, Генри отбил один удар, другой, а потом сам ринулся в атаку.

Наступая и тесня противника, он прижал его спиной к дереву. Замирая от волнения, Фиона следила за тем, как ее муж сражается с более молодым противником, молясь про себя о чуде.

Леденящий душу звон мечей друг о друга все ускорялся, эхом разносясь по лесной опушке. Несмотря на свой возраст, Генри держался очень хорошо, не зря он почти ежедневно по несколько часов упражнялся с мечом во дворе замка. Однако он начинал выдыхаться, что совсем неудивительно: его противник был раза в два моложе и на целую голову выше.

Но Генри не собирался прощаться с жизнью. Сделав ловкий выпад, он нанес точный удар, ранив соперника в плечо. Не ожидавший такой прыти от старого рыцаря, его противник попятился, споткнулся и упал. Не успела Фиона обрадоваться, как два других воина выскочили из-за деревьев, торопясь на помощь раненому товарищу.

Не прошло и минуты, как один из нападавших нанес удар такой силы, что едва не вышиб из старого рыцаря дух. Генри повалился на землю как куль. Фиона закричала от ужаса, даже не замечая, что рука незнакомца больше не зажимает ей рот.

– Пожалуйста, не надо! – умоляюще воскликнула Фиона дрожащим от волнения голосом. Она вся замерла от ужаса при виде распростертого на земле мужа, к горлу которого был приставлен меч. Инстинктивно она хотела броситься вперед, но ноги ее не слушались, страх сковал, парализовал ее волю и тело.

– Остановитесь, это же Арундел. Не трогайте его, – прозвучал властный, не терпящий возражения голос незнакомца. Повинуясь, нападавшие опустили мечи и отступили назад. Фиона не верила своим глазам, когда раненый разбойник помог Генри встать.

– Отпустите мою жену, – хрипло произнес Генри, тем не менее привычка повелевать явственно проскользнула в интонации.

Пораженная тем, что происходит, Фиона не сразу заметила, что ее уже никто не удерживает. Стараясь унять охватившую ее дрожь, она спотыкаясь подошла к Генри.

Главарь разбойников с удивленным видом учтиво поклонился.

– Прошу меня извинить, граф, за столь неличеприятную встречу. Я узнал вас только после того, как мои люди по ошибке напали на вас.

– Это вы, Киркленд? – Будучи вне себя от негодования, Генри резкими движениями смахивал с себя грязь и листья. – Да простит меня Бог, но мне следовало выгнать вас пинками под зад с моей земли.

– Вполне понятное желание, мой друг, но совершенно не благоразумное. – Тот, кто так грубо обошелся с Фионой, сделал два-три шага навстречу графу, а его люди, сомкнутым полукругом следовали за ним.

Голова у Фионы кружилась от волнения, она вздохнула поглубже, чтобы немного успокоиться. Кто же этот дерзкий незнакомец? Генри знал его. И все же, хоть незнакомец и назвал

его другом, непохоже, чтобы они были друзьями. Клинки были спрятаны в ножны, но в позе незнакомца чувствовалась готовность к бою. По всему было видно, если ему бросят вызов или оскорбят, то схватки не миновать.

Фиона мотнула головой, как бы отбрасывая прочь эту пугающую мысль. Глупо было бы думать о чем-нибудь подобном: зачем нагнетать тревогу, когда и так все скверно.

– Вы на моей земле, – угрюмо заметил Генри. – Мне кажется, по моему виду видно, кто я, чтобы воздержаться от нападения.

– А мы не нападали, мы просто удивили вас.

Губы графа насмешливо искривились, но в его глазах не было видно смеха, они блеснули холодно и твердо.

– Вы напугали мою жену, – буркнул Генри.

Фиона едва не застонала от досады. Ну кто его тянет за язык? Противников ведь намного больше, а их положение очень незавидное. Неужели он не понимает, насколько велика опасность?

– Вас не обидели, Фиона?

Глаза всех присутствовавших обратились на Фиону. Было бы глупостью говорить правду. Сердце сдавила тяжесть, однако она вскинула голову и улыбнулась.

– Со мной все в порядке, – солгала она, не обращая внимания на ноющую боль в руке.

– Боюсь, мое обращение могло показаться вам, леди Фиона, несколько резким. Обычно я отношусь с почтением к леди.

Голос прозвучал доброжелательно и приятно, причем свои слова Киркленд сопроводил вежливым поклоном. Однако выражение его лица по-прежнему оставалось непроницаемым. Горячая волна прихлынула к щекам Фионы, она выругала себя и свое острое зрение. Если бы она не заметила маточной травы, то они проехали бы мимо и не попали в беду.

– Почему вы прячетесь на моей земле? – Генри никак не мог успокоиться. – Это совсем не похоже на вас.

– Мы забрались на юг немного дальше, чем собирались. Просто хотелось убраться подальше от Метхевена. Смею вас уверить, мы здесь не задержимся. Как только убедимся, что дороги безопасны, так сразу отправимся к себе домой.

– Вы сражались под Метхевеном? – Глаза Генри округлились от удивления.

– Да. – Граф нервно дернул уголком рта. – И я горжусь моими воинами.

– Нас разбили, – хрипло произнес один из нападавших.

– Но не в честном бою, – проворчал другой и зло сплюнул на землю. – Англичане отказались встретиться с нами в открытом поле, они действовали, как трусы. Они напали на наш лагерь на рассвете, когда мы спали, и перебили почти всех.

– Неужели никого не пощадили? – Генри удивленно приподнял бровь.

– Никого, – ответил Киркленд ровным голосом. – Те, кому удалось спастись, скрылись в Шотландском нагорье. – Но мне надо вернуться домой. Я должен защищать мои земли и моих людей.

Генри задумчиво почесал подбородок.

– Значит, вы решили встать на сторону Брюса? Не слишком ли смелый шаг?

Киркленд пожал плечами:

– Слишком долго из осторожности, явно излишней, мы терпели над собой власть англичан. Я не во всем согласен с Брюсом, тем не менее я уверен, только он способен дать свободу Шотландии. У нас будет свой король. В конце концов, это наше право.

По огоньку в глазах мужа Фиона с удивлением поняла, что тому нравятся сказанные слова. Ни для кого в Англии не было секретом, что король Эдуард хотел установить свою власть над Шотландией и заставить шотландцев с почтением относиться к нему. С ува-

жением относясь к власти короля, Фиона полагала, что ее муж разделяет с ней подобные взгляды.

– Но ведь не все шотландцы согласны, что Брюс должен носить шотландскую корону, – тихо заметил Генри. – По слухам, Макнабы и Макдугалы сражались на стороне англичан под Метхевеном против короля Роберта.

– Это правда. – Граф пожал плечами и насупился. – Во главе отступников стоял Джон Макдугал из Лорна. Им двигала жажда мести, и у него есть силы и деньги для ее осуществления. Он самый опасный враг из всех врагов Шотландии.

Генри фыркнул.

– Тот, кто совершил святотатство, убив племянника прямо на церковном дворе, поступит точно так же с любым человеком.

Фиона нахмурилась: кто не слышал об этом мерзком преступлении против людей и Бога. Роберт Брюс, будучи одним из претендентов на корону Шотландии, избавился от главного соперника Джона Комина по прозвищу Красный, пригласив того на встречу в церкви и там убив его.

Столь варварский поступок укрепил Фиону во мнении, кстати, совпадавшем с мнением англичан – они так думали о своих северных соседях уже несколько десятилетий, – что шотландцы, несмотря на принятое христианство, так и остались язычниками. Но как так получилось, что Генри дружил с шотландцами?!

– Правда на стороне Брюса, – убежденно произнес граф. – Они с Комином заключили договор с целью объединить кланы и начать борьбу за независимость. Однако Комин, тоже метивший на королевский престол, счел выгодным для себя послать копию этого договора английскому королю. А ведь это была явная измена.

– Возможно, возможно, – согласился Генри, хотя выражение его лица оставалось скептическим. – Зато теперь после поражения изменниками называют Брюса и его сторонников. Впрочем, я по-прежнему считаю, что каждый мужчина сам выбирает свой путь в жизни. Однако при этом не следует забывать о том, что рано или поздно придется держать ответ перед Богом.

– Моя совесть чиста, – спокойно ответил граф, и по его тону было понятно, что так оно и есть на самом деле.

Генри молча и внимательно посмотрел на него, прежде чем сказать:

– Вам что-нибудь нужно от меня?

– Укрыться на несколько дней в вашем лесу, самое большое на неделю.

Генри кивнул. Холодок прополз по спине Фионы. Сознательно предоставлять убежище врагу короля? В своем ли он уме? Если об этом узнают, тогда на них всех обрушится королевский гнев.

– Генри, нельзя же...

– Помолчи, Фиона.

Резкость его слов была неприятна, но она послушалась его беспрекословно, поскольку в глубине души доверяла его жизненному опыту. Генри был мудр, практичен и заботлив: он все сделает самым наилучшим образом.

Фиона подошла к мужу и, схватив его за руку, крепко пожала ее. Ее вера в него была безгранична. И все же, как только она переводила взгляд на широкоплечего шотландца, глаза которого сверкали холодным блеском, а лицо поражало невозмутимостью, она понимала, почему так напугана.

Фиона бесконечно доверяла своему мужу, и тем не менее у нее сложилось свое особое мнение об этом шотландце-язычнике.

Гэвин Маклендон, граф Киркленд, сделал вид, будто не заметил той бури эмоций, которая отразилась на лице леди Фионы, когда та услышала, что ее муж намерен помочь им. Он даже мог поклясться, что разобрал возглас возражения, уже почти сорвавшийся с ее губ, однако она тут же прикусила язык. Удивительно, какое самообладание, какая выдержка у этой леди. Гэвин был приятно поражен.

Он смутно вспомнил пересуды о второй жене графа. Говорили, будто она намного моложе своего мужа и очень хороша собой. Но он никак не ожидал, что она окажется настоящей красавицей.

Фигура у нее была просто загляденье: высокая грудь, тонкая талия и лицо ангела – бледное, изящное, словно высеченное из мрамора. На ней не было никакого головного убора, ее чудесные светло-золотистые волосы свисали почти до пояса, что только усиливало впечатление невинности и скромности, более подходящие девушке, а не замужней леди.

Ее глаза были зелеными, как весенняя трава на полях. В них сверкали живой ум и проникательность, а меж тем граф Киркленд порой забывал о наличии этих качеств у представительниц слабого пола. Его собственная жена, далеко не простушка, вероятно, не сумела бы оценить всей абсурдности положения, окажись она на месте Фионы. А если бы на свою беду оценила, то не смогла бы сдержать негодования, не сумела бы держаться так величественно и спокойно, так чутко и умело подлаживаться под настроение мужа, как леди Фиона.

– Сколько с вами людей? – спросил Генри.

– Двадцать пять, но большинство из них ранены. – Гэвин тут же пожалел о столь откровенном ответе. Целых две недели скитаний по лесам вымотали и его самого, и его людей. Следовало отвечать более осторожно, но предательская усталость давала о себе знать. Хотя они с графом были давними друзьями, не стоило так откровенничать.

Напряжение на опушке леса постепенно увеличивалось. Это было заметно по движениям воинов, по их переглядываниям, многие положили руки на рукояти мечей. Краем глаза Гэвин заметил, как леди Фиона бросила на мужа быстрый взволнованный взгляд.

– Я сделаю все, о чем вы меня попросите, – заявил граф. – Ваши люди получают все необходимое, в том числе и лечение, какое мы сможем предоставить. Но, в свою очередь, я жду от вас ответной услуги.

Гэвин выругался себе под нос. Он прекрасно знал, что любая поддержка, любая услуга требуют ответной услуги, но что он мог предложить в том положении, в котором очутился?!

– Хорошо, назовите вашу цену.

– Надеюсь, до конца лета вы совершите набег на мою деревню и похитите мой скот.

Гэвин широко улыбнулся – впервые за последние дни.

– Если пожелаете, я захвачу целое стадо.

– Крайне признателен вам за это, милорд. Да, не забудьте прихватить немного зерна, – напомнил Генри, лукаво улыбнувшись в ответ. – Впрочем, надеюсь, что все награбленное вскоре опять вернется в свои стойла и в свои амбары, а мои поля останутся в целости.

– Конечно, все как обычно. Украденное зерно будет возвращено, а поля будут слегка вытоптаны, но не сожжены.

– Как обычно? – крикнула Фиона, она все-таки не выдержала и сорвалась. – Значит, такое происходило и раньше? И вы оба говорите об этом так спокойно, как будто это какой-то пустяк. Нет, Генри, я не могу поверить, что наши люди согласны с вами. Вы только представьте себе весь их ужас и чувство беспомощности, когда их грабят и убивают.

– Мы не проливаем крови, – возразил Гэвин. Как это ни странно, но ее явное возмущение и обида тронули его, и он не мог понять, что это с ним происходит. Ни он, ни граф не делали ничего плохого. Напротив, они придумали действенный способ: притворяясь для всех врагами, жить по-соседски, если не в дружбе, то хотя бы во взаимных симпатиях.

– Дорогая, мы придумали все это уже давно, – объяснил жене Генри. – Горцы из клана Маклендона приходят на наши земли под покровом ночи, поэтому никто из наших людей с ними не сталкивается.

– Неужели такое странное положение всех устраивает? – поразилась Фиона.

– Это самое безопасное положение, какое только может быть, – заверил Генри. – Несмотря на беспокойство, которое оно приносит, мои люди почти не страдают от подобных набегов. Все, или почти все, что у них отбирают горцы, они потом возвращают. Мы живем на границе, и если бы наши земли оставались единственными, которые не разоряют наши северные соседи, это выглядело бы подозрительно. Король Эдуард считает шотландцев врагами и стремится их покорить. В отличие от него я думаю иначе.

– Разве можно вам верить? – вдруг взорвался Дункан, выйдя вперед и стиснув рукой рукоять меча. – Чертовы англичане. Вы все подлые трусы.

– Дункан! – Гэвин резко оборвал своего кузена. Дункан был прекрасным солдатом и верным соратником, он мучительнее всех других переживал их поражение под Метхевеном. Однако позволить Дункану завязать ссору с человеком, который мог помочь им в трудную минуту, было бы непростительной глупостью.

Повинуясь повелительному тону Гэвина, Дункан забормотал что-то невнятное себе под нос, но уже без прежней напористости. Не теряя достоинства, он снял руку с рукояти меча и отступил назад.

К счастью, графа не оскорбили обидные и несправедливые слова Дункана. Гэвин шумно вздохнул, благодаря в душе англичанина, который по не совсем понятным ему причинам предложил столь выгодное соглашение вместе с планом, в котором заключалось дальнейшее благополучие его клана. Его согласие выглядело несколько поспешным и опрометчивым, но что проку сожалеть о содеянном, особенно сейчас.

– Вечером на протяжении пяти дней вам будут приносить воду и пищу и оставлять все вот под этим дубом. – Генри указал на огромный дуб, перед которым росли злополучные цветы. – Если хотите, то можете охотиться в моих лесах, чтобы добыть себе пропитание. Я под разными предлогами не позволю моим людям ходить в этот лес до конца недели, чтобы вас здесь никто не обнаружил.

– Мы будем держаться ближе к северу. – Гэвин попытался признательно улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. Наступил удобный момент, чтобы попросить еще об одном одолжении. Гэвин не любил просить, просьбы уязвляли его гордость, но у него не оставалось иного выхода: несколько его тяжелораненых людей нуждались в помощи.

– Нам бы оченьгодились чистые бинты для перевязок и хоть какие-то лекарства.

Леди Фиона закусил губу, но внутреннее раздражение все равно прорвалось наружу.

– Я как раз собирала здесь лекарственные травы. Ладно, бинты у нас есть, а вот лекарств мало. Такое расточительство...

Но тут граф поднял вверх руку, и Фиона тут же замолчала.

– Моя жена поделится с вами всем, чем мы располагаем.

– Какая польза от лекарств, если ими не уметь правильно пользоваться, – не без раздражения заметила Фиона.

Взгляд, брошенный графом, заставил ее прикусить язык и пожалеть о слетевших с ее губ словах, но ее раздражение не ускользнуло от Гэвина. Презрительная складка в углу ее рта лучше всяких слов говорила о том, что она думает.

– Нам кое-что известно о целебных отварах и мазях, накладываемых на раны, – спокойно произнес Гэвин, пытаясь сгладить напряжение.

Граф хмыкнул с довольным видом, кое-кто из людей Гэвина тоже. Несмотря на вежливую улыбку, Фиона плохо справлялась с ролью гостеприимной хозяйки, сердитый блеск глаз выдавал ее с головой.

Гэвину стало немного стыдно: после всего, что только что произошло, она должна была выглядеть напуганной и расстроенной. Они забирали их припасы, более того, взваливали на плечи графа свои проблемы и заботы, а она, что редкость для женщины, держалась мужественно и гордо. Гэвину хотелось выразить уважение Фионе. Ибо в их смутные времена, когда верность каждого человека проверялась на прочность, она вела себя более чем достойно.

Но положила руку на сердце, разве мог он сказать ей такое? Конечно, нет.

Глава 2

Год спустя

– Леди Фиона, неужели завтра вы собираетесь уехать? До меня дошли слухи, что армия короля уже на подходе и скоро опять появится на севере. Сейчас не самое подходящее время пересекать границу Шотландии. Это небезопасно.

Фиона замялась, затем, взяв себя в руки, решительно взглянула в иссеченное годами лицо старого рыцаря. Решение уехать вынашивалось не один месяц.

– Судя по всему, сэра Джордж, король Эдуард полон решимости разбить шотландцев наголову. Боюсь, мы можем упустить благоприятное время для такой поездки, и в этом случае мы так никогда и не выберемся отсюда. – Фиона попыталась улыбнуться, но губы плохо слушались ее, сомнения и страх сковали ей сердце.

В темных глазах сэра Джорджа возникло выражение нежного упрека. Будучи среднего роста, он казался более массивным и высоким за счет хорошо развитой мускулатуры, шрамы на его лице и руках напоминали о былых сражениях. В глубине сердца Фиона чувствовала искреннюю благодарность к этому суровому на вид, но доброму рыцарю, поддержавшему ее в трудную минуту. Иметь такого верного друга было огромным утешением для измученной и исстрадавшейся Фионы.

А страданий на ее долю выпало немало. Ровно год назад погиб ее муж. Более того, по злой иронии судьбы у них были отняты принадлежавшие им земли. Обида и возмущение от свершившейся несправедливости по-прежнему не давали покоя Фионе.

Она не сомневалась, что слухи о союзе, заключенном между ее мужем и шотландским графом Кирклендом, достигли ушей короля Эдуарда. Однако поскольку это были ничем не подтвержденные слухи и Генри нельзя было обвинить в измене, король решил действовать хитростью. Он позволил одному из своих фаворитов – грубому и жадному сэру Роланду Дюпре – предъявить якобы законные права на владение их землями. Возмущенный Генри отказался внять такой наглой выдумке. И тогда сэра Роланд при молчаливой поддержке короля вторгся в его владения, штурмом овладел замком и убил его владельца. Причем едва ли в честной схватке.

Фиона закрыла глаза, и перед ее мысленным взором опять возникли подробности той страшной ночи, разрушившей ее счастье и круто изменившей всю ее жизнь.

Та ночь вначале была очень тихой. Стража на стенах и башнях потеряла бдительность, что позволило врагам проникнуть внутрь замка и захватить врасплох спящий гарнизон. Разбуженные шумом Генри и преданные ему рыцари бились храбро и отчаянно, они защищали жизнь своих жен и детей. Однако отразить внезапное и жестокое нападение они не могли, слишком неравными оказались силы.

Превосходивший своей численностью, вооруженный до зубов противник не знал жалости: Генри и многие его воины погибли. Те же, кто уцелел, сложили оружие к ногам победителей, моля о пощаде. Вассалы Генри тоже поспешили признать сэра Роберта Дюпре своим новым господином.

Но только не сэра Джордж. Он первый, если не единственный, сразу после гибели сэра Генри принес клятву верности его сыну и наследнику десятилетнему Спенсеру. Именно благодаря сэру Джорджу Фионе и Спенсеру удалось выбраться из замка.

Дрожа от страха, Фиона, ее служанка и отец Ниалл шли следом за сэром Джорджем по сырому, покрытому плесенью тайному ходу, который вывел их из замка наружу. Раненого Спенсера на импровизированных носилках несли отец Ниалл и Фиона. Каждый стон раненого мальчика болью отзывался в ее сердце.

Ужас гнал их вперед. До сих пор Фиона помнила запах сырости, шуршание, писк крыс под ногами и приглушенный звон мечей последних защитников замка, сохранивших верность своему погибшему хозяину.

Туннель привел в пещеру, где они провели немного времени, которое показалось чуть ли не вечностью, пока сэр Джордж ходил в разведку. Наконец он вернулся, держа в руках поводья нескольких украденных лошадей. Уже светало, когда измученные беглецы поскакали прочь от замка, прислушиваясь, нет ли за ними погони.

К счастью, их никто не преследовал. В полном отчаянии Фиона направилась к своему старшему брату Гарольду. Прибыв к нему на седьмой день пути, они не встретили особенного гостеприимства. Тем не менее он не отказал им ни в крове, ни в пище.

– Сэр Джордж, вот вы где!

В звонком мальчишеском голосе звучала неподдельная радость. Обернувшись, Фиона увидела, как Спенсер шагал через полный народу двор замка. Как обычно, ее сердце сжалось от тревоги за мальчика, который, сильно хромя, пробирался между повозками, лошадьми, крестьянами и слугами, сновавшими взад и вперед.

Хромота мальчика была заметна издали. Во время штурма замка у него оказалась сломана правая нога. Кости срослись неправильно, и теперь правая нога была намного короче левой. Увечье ребенка служило постоянным напоминанием как о перенесенных ужасах, так и о разбитой жизни, которую, как ни старайся, а восстановить в прежнем виде уже никогда не удастся.

Когда Спенсер приблизился, одна из охотничьих собак прыгнула ему на грудь. Хромой мальчик не сумел удержать равновесия и упал. Фиона вскрикнула от волнения, но, зная, как болезненно мальчик воспринимает свой физический недостаток, как не любит, когда его жалеют, она поспешно взяла себя в руки, делая вид, будто ничего особенного не произошло.

Больше всего Спенсер нуждался не в жалости, а в вере в него самого, и Фиона, как могла, поддерживала в нем веру в то, что в один прекрасный день его физический недостаток исчезнет и он опять станет здоровым и сильным.

Раздосадованный Спенсер отпихнул собаку, которая, играя, пыталась лизнуть его в лицо. Спенсер, тяжело дыша, с искаженным от напряжения лицом, пытался самостоятельно встать. Двигался он медленно и осторожно, пока наконец не выпрямился. Радостная улыбка озарила его лицо. Моргнув несколько раз, чтобы прогнать душившие ее слезы, Фиона одобритительно кивнула ему головой.

Сын с довольным видом кивнул ей в ответ.

– М-да, прошло столько месяцев, а он все такой же неловкий и слабый, – буркнул сэр Джордж, озабоченно глядя на мальчика.

– Напротив, с каждой неделей он выглядит все лучше и бодрее, – быстро возразила Фиона.

– Он может владеть мечом?

– Да.

– Уверенно и хорошо?

– Ему едва исполнилось одиннадцать, – укоризненно ответила Фиона.

– Впервые мальчик взял в руки меч, когда ему было пять лет. – Сэр Джордж продолжал как бы рассуждать вслух. – Я лично проследил за тем, чтобы ему сделали деревянный меч.

– Но вы же знаете, мой брат не разрешил мальчику упражняться с мечом. – Фиона продолжала защищать сына, раздосадованная тем, что ее родной брат не верит, что Спенсер научится как следует владеть мечом. – Отец Ниалл пытается обучить его кое-каким приемам, но ведь он священник, и меч – это не его призвание. А я уверена: если Спенсер получит должную подготовку, он со временем будет владеть мечом, как настоящий рыцарь, и хромота ему не помешает. Надо только дать ему возможность учиться.

– Если здесь нет такой возможности, – вздохнул сэра Джордж, – может быть, стоит поискать ее в другом замке. Что вы думаете по этому поводу?

– Поверьте мне, сэра Джордж, как мне ни была горька мысль расстаться с сыном, но я уже пыталась найти для него что-нибудь более подходящее. Отец Ниалл помог мне написать несколько писем ко всем друзьям и вассалам Генри – как знатым, так и обедневшим. – Фиона вспыхнула от стыда. – Никто не хочет брать мальчика под свою защиту.

– Никто? – Брови сэра Джорджа удивленно взлетели вверх.

Фиона нахмурилась. Она обратилась с просьбой о помощи к брату, но тот отказался. Приходилось самой заботиться как о своем будущем, так и о будущем приемного сына. Едва умея писать и читать, Фиона с помощью отца Ниалла написала и отправила письма с просьбой о помощи.

Настало тяжелое и мучительное время ожидания. С каждым полученным ответом, точнее, с каждым отказом, надежды Фионы таяли и таяли, пока не исчезли вовсе. Теперь оставалась только одна надежда – на саму себя. Никто не хотел покровительствовать ни ей, ни Спенсеру.

Что им оставалось делать? Томиться до конца жизни в замке брата, быть никчемной ношей, бесполезной и бесцельной. Такое положение казалось Фионе не только обидным и уязвляющим ее гордость, но и совершенно неприемлемым.

Долг перед покойным мужем и материнский долг перед приемным сыном сжигали ее изнутри, не давая покоя и подхлестывая к действию. Она была готова пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы будущее Спенсера сложилось счастливо. Впрочем, она немного лукавила: в своих мечтах и тайных желаниях она видела Спенсера цветущим юношей, сильным и удачливым воином, который в свое время вернет себе то, что принадлежало ему по праву рождения.

– Против Генри никогда не выдвигалось прямое обвинение в измене, однако король не пошевелил и пальцем, чтобы помешать захвату наших земель, – говорила Фиона. – А тут еще увечье Спенсера, из-за которого ни один из знатных рыцарей не хочет взваливать на свои плечи такую обузу, никто не верит, что из него получится настоящий воин.

Сэра Джордж помолчал, прежде чем с хмурым видом задать неприятный вопрос:

– А не будет ли лучше, если мальчик свяжет свою жизнь с церковью?

– О, сэра Джордж, и вы туда же, – рассердилась Фиона. – Мне хватает и моего брата, который только и талдычит, что из-за физического недостатка у Спенсера только один путь – в священники. От вас, сэра Джордж, я никак не ожидала этого.

Сэра Джордж виновато склонил голову:

– Вы же знаете, я хочу мальчику только добра.

– Как и я, – выдохнула Фиона, хотя порой она сама удивлялась: из-за чего она буквально лезет из кожи вон? Неужели ею движет жажда мщения, ради которой она готова подвергнуть жизнь Спенсера опасности? Может, все-таки стоит прислушаться к совету брата, не лишенному благоразумия, что для Спенсера в жизни остался единственный путь – духовный?

Чувствуя угрызения совести, Фиона молча смотрела на приближавшегося Спенсера. Широко улыбнувшись, мальчик радостно обнял сэра Джорджа. Счастливый вид Спенсера обрадовал Фиону, более того, усилил ее решимость не сдаваться. Мысль увядать в тоске, всеми забытой в поместье брата казалась невыносимой. То унылое, безотрадное будущее, которое пытались навязать ей и Спенсеру, внушало ей ужас и отвращение. Нет, она будет бороться изо всех сил за другое будущее, которое у них – у нее и Спенсера – отняли.

Разве не сам отец Ниалл с горечью признавался, что у Спенсера нет никакого призвания служить Богу?

Боевой огонек в глазах мальчугана, когда тот часами наблюдал за упражнениями воинов, служил наглядным доказательством того, что он неминуемо должен был стать наслед-